

A romantic couple is shown in a close embrace, standing on a grassy hill. They are positioned in the lower right quadrant of the frame. The woman is wearing a white sleeveless top and a long blue skirt, while the man is wearing a teal polo shirt and light-colored trousers. They are looking at each other with affection. The background is dominated by a large, leafy tree that frames the scene. The sun is low in the sky, creating a warm, golden glow and a lens flare effect. The overall atmosphere is romantic and serene.

Наталья LOVE

Отпуск в деревне
или
Здравствуй, первая любовь...

LOVE Наталья

**Отпуск в деревне или
"Здравствуй, первая любовь"**

«Автор»

2026

Наталья L.

Отпуск в деревне или "Здравствуй, первая любовь" /
L. Наталья — «Автор», 2026

Алёна привыкла, что её дни похожи друг на друга, как страницы одного и того же отчёта: будильник в 6:45, кофе на ходу, метро, где все смотрят в телефоны, офис с ровным гулом кондиционеров и клавиатур, обед из контейнера, который она забывает разогреть, и дорога домой, где уже не остаётся сил ни на что, кроме чашки чая и сериала, который смотришь, не замечая сюжета. Ей было двадцать восемь, но в последнее время она всё чаще ловила себя на мысли, что чувствует себя гораздо старше — не телом, а тем внутренним напряжением, которое не отпускало даже по выходным. В зеркале она видела девушку с аккуратными чертами лица, русыми волосами, собранными в строгий хвост, и глазами, в которых всё чаще мелькала усталость. Но если присмотреться, в этих глазах ещё пряталась та самая детская искорка — будто где то глубоко внутри жила девочка, которая когда то бегала босиком по росистой траве и верила, что лето длится вечно.

© Наталья L., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Наталья LOVE, LOVE Наталья

Отпуск в деревне или "Здравствуй, первая любовь"

Вступление

Алёна привыкла, что её дни похожи друг на друга, как страницы одного и того же отчёта: будильник в 6:45, кофе на ходу, метро, где все смотрят в телефоны, офис с ровным гулом кондиционеров и клавиатур, обед из контейнера, который она забывает разогреть, и дорога домой, где уже не остаётся сил ни на что, кроме чашки чая и сериала, который смотришь, не замечая сюжета.

Ей было двадцать восемь, но в последнее время она всё чаще ловила себя на мысли, что чувствует себя гораздо старше — не телом, а тем внутренним напряжением, которое не отпускало даже по выходным. В зеркале она видела девушку с аккуратными чертами лица, русыми волосами, собранными в строгий хвост, и глазами, в которых всё чаще мелькала усталость. Но если присмотреться, в этих глазах ещё пряталась та самая детская искорка — будто где-то глубоко внутри жила девочка, которая когда-то бегала босиком по росистой траве и верила, что лето длится вечно.

В офисе Алёну считали надёжной и спокойной: она никогда не срывалась, не спорила без причины, всё делала вовремя. Коллеги шутили, что у неё «внутренний таймер», а начальник ценил её за то, что она не задаёт лишних вопросов и не просит поблажек. Но сама Алёна иногда чувствовала, что эта надёжность становится клеткой: будто она так привыкла быть удобной, что почти забыла, чего хочет на самом деле.

И вот наконец настал день, когда она решилась. Не на какой-то громкий поступок, а на тихий бунт против собственной рутины: Алёна взяла отпуск и собралась в деревню, где когда-то жили её родители. Дом стоял пустым уже пару лет — после того как мама ушла, папа не смог там оставаться, а потом и сам переехал в город, поближе к Алёне. С тех пор дом будто затаил дыхание, ожидая, когда кто-нибудь снова переступит его порог.

Сборы начались с вечера. Алёна достала с верхней полки старый чемодан — тот самый, с потёртыми углами, который ещё помнил поездки на море, когда она была подростком. Сначала она пыталась складывать вещи аккуратно, по списку: футболки, джинсы, лёгкая кофта на вечер, пижама. Но потом поняла, что список делает всё слишком деловым, будто она едет не в родной дом, а в командировку. И тогда она остановилась, закрыла глаза и попыталась вспомнить, что брала с собой в детстве, когда лето только начиналось.

Она положила в чемодан льняную рубашку, которую купила на ярмарке и так ни разу не надела — ей казалось, что в городе она выглядит слишком просто, слишком «деревенски». Теперь эта рубашка вдруг стала самой нужной вещью. Добавила ещё одну: старую, мягкую, которую не жалко было бы испачкать или прожечь у костра. Взяла резиновые сапоги — они стояли в углу прихожей, забытые, но родные. И ещё — вязаный платок, который мама когда-то накинула ей на плечи в прохладный вечер: Алёна не носила его в городе, стесняясь, что он выглядит слишком подомашнему, но сейчас сжала его в руках и почувствовала, как внутри что-то тихо оттаяло.

Отдельно она собрала маленькую коробку с вещами, которые хотела взять именно туда: старый альбом с фотографиями, где она маленькая сидит на заборе, а рядом — папа с улыбкой, от которой сразу становится тепло; любимую чашку с отбитым краем, которую мама всегда

оставляла для неё; и маленькую деревянную лошадку — игрушку, которую она нашла в сарае в один из приездов и забрала с собой, потому что ей казалось, будто в ней живёт кусочек детства.

Перед самым отъездом Алёна долго стояла у окна, глядя на городские огни, которые казались ей сегодня слишком яркими и слишком холодными. Она вдруг поняла, что боится. Не темноты или заброшенного дома — а того, что, вернувшись туда, она почувствует такую острую тоску по родителям, по тому времени, когда всё было проще, что не сможет потом снова встроиться в этот городской ритм. Но в то же время она знала: если не поедет сейчас, эта тоска будет жить в ней всегда, тихо подтачивая изнутри.

Утром она вышла из дома с чемоданом, который казался тяжелее, чем был на самом деле, — будто в нём лежали не вещи, а воспоминания. На вокзале она купила билет, села в электричку и, глядя в окно на мелькающие пейзажи, впервые за долгое время почувствовала, как с плеч будто сползает тяжёлый плащ. Город оставался позади, уступая место полям, лесам и тихим станциям, где люди выходили, чтобы снова оказаться среди своих.

Алёна закрыла глаза и тихо прошептала, будто проверяя, как звучат эти слова сейчас:

— Я возвращаюсь.

И в этом «возвращаюсь» было не только про дом. Это было про неё саму — про ту девочку, которая где-то внутри всё ещё ждала, когда её вспомнят.

Глава 1

Электричка остановилась с привычным вздохом тормозов, будто сама устала от долгой дороги. Алёна вышла на пустую платформу, и первое, что она почувствовала, — не запах травы и не тепло солнца, а тишину. Она была такой плотной, что в городе Алёна бы её испугалась, а здесь она легла на плечи, как старый плед: тяжёлая, но уютная.

Деревня будто замерла в полуденном зное. Дома стояли, слегка наклонившись друг к другу, будто перешёптывались о том, кто вернулся, а кто уехал навсегда. Дорога к родительскому дому шла через поле, по краю которого тянулась покосившаяся изгородь. Алёна шла медленно, чемодан оттягивал руку, а в груди всё сильнее сжималось странное чувство: будто она идёт не просто по тропинке, а по собственной памяти.

Калитка скрипнула так знакомо, что у Алёны дрогнули пальцы. Дом стоял тихий, будто затаил дыхание. Краска на ставнях облупилась, крыльцо чуть просело, но окна по-прежнему смотрели на мир ровно, без упрёка. Это был не чужой дом — это был дом, который ждал.

Алёна поднялась по ступеням, вставила ключ в замок, и тот поддался не сразу, будто не хотел впускать: «Ты уверена, что готова?» Она толкнула дверь, и в лицо ей пахнуло пылью, деревом и тем особенным запахом старого дома, который невозможно спутать ни с чем.

Внутри было темно и прохладно. Солнечные лучи пробивались сквозь щели в ставнях, подсвечивая танцующие пылинки. Алёна поставила чемодан, сняла куртку, которую зачем-то надела, хотя на улице было жарко, и тихо сказала в пустоту:

— Я приехала.

И тут же испугалась собственных слов: они прозвучали слишком громко, слишком отчаянно, будто она пыталась убедить не дом, а себя, что имеет право здесь быть.

Страх накатил неожиданно, как волна. Алёна вдруг поняла, что боится не пауков в углу и не скрипучих половиц. Она боялась, что не сможет здесь остаться. Что через два дня ей станет невыносимо тихо, захочется кофе из ближайшей кофейни, новостей в ленте и хоть какого-то городского гула. А ещё страшнее было другое: что дом начнёт говорить с ней голосами родителей, и она не выдержит этого разговора.

Она присела на старый стул у окна, обхватила себя руками и прошептала:

— Просто день. Один день. Если завтра станет невыносимо — уеду.

Но уезжать не хотелось. Хотелось просто посидеть, привыкнуть, дать себе время.

К вечеру Алёна решила открыть окна, чтобы впустить воздух и свет. Ставни заскрипели, будто ворчали на то, что их так долго держали закрытыми. Она вышла во двор, оглядела заросший сад, покосившийся сарай и вдруг поняла, что одной ей тут не справиться: нужно было подправить забор, убрать сухую траву, проверить, не течёт ли крыша. А она даже не знала, где лежат инструменты.

Пока она стояла, прикидывая, с чего начать, из-за угла дома вышел парень. Высокий, загорелый, в простой футболке и с ведром в руке. На вид ему было лет двадцать пять. Он остановился, будто сам не ожидал кого-то здесь увидеть, и на секунду они просто смотрели друг на друга: она — с тревогой, он — с осторожным любопытством.

— Ты... Алёна, да? Дочь Ирины и Сергея? — спросил он наконец, и голос у него был спокойный, без лишней суеты.

Она кивнула, чувствуя, как внутри чуть отпускает напряжение: он её помнит.

— Я Миша. Мы с тобой в детстве чуть не утонули в речке, потому что ты решила, что умеешь плавать, а я решил, что обязан тебя спасти, — он чуть улыбнулся, и эта улыбка была не насмешливой, а тёплой, будто он сам радовался, что вспомнил эту историю. — Ну, точнее, мы просто упали по колено в воду и испугались.

Алёна рассмеялась — тихо, будто боялась, что смех здесь неуместен, но он всё равно вырвался:

— Я помню. Ты потом неделю ходил и говорил всем, что ты герой.

Миша поставил ведро, пожал плечами:

— Ну, героем быть приятно. Особенно в десять лет.

Они помолчали, и в этой тишине не было неловкости — скорее, какого-то тихое узнавание.

— Дом, конечно, за пару лет одичал, — сказал Миша, оглядывая двор. — Но не запущен. Просто... ждал.

Алёна вздохнула:

— Я не знаю, с чего начать. И вообще... боюсь, что не смогу тут остаться.

Он не стал говорить «да брось, всё просто» или «ты справишься». Вместо этого он просто кивнул, будто принял её страх как что-то настоящее и важное:

— Это нормально. Тут тишина другая. Она не как в городе, где тишина — это когда никто не шумит. Тут тишина — это когда слышно, как растёт трава. К ней нужно привыкнуть.

Потом он поднял ведро, будто это было самое естественное решение:

— Давай я помогу. Сначала самое простое: воду натаскать, траву убрать, чтобы ты могла спокойно ходить по двору. А дальше — посмотрим. Если через пару дней поймёшь, что это не твоё — никто не осудит. А если захочешь остаться — будем потихоньку всё приводить в порядок.

Алёна хотела сказать «не надо, я сама», но слова застряли в горле. Вместо этого она тихо произнесла:

— Спасибо. Честно. Я... правда не готова была к этому всему.

Миша кивнул:

— Тогда начнём с малого. Ты пока открой все окна, чтобы дом проветрился. А я пока с забором разберусь. Он ещё крепкий, просто притворяется, что разваливается.

Пока он возился с досками, Алёна ходила по дому, открывала шкафы, вытирала пыль и вдруг ловила себя на том, что уже не так сильно сжимает плечи. Миша что-то тихо напевал себе под нос, не стараясь казаться весёлым, а просто потому, что так ему было легче работать. Его присутствие не давило, не требовало ничего взамен — оно просто было, как свет в окне, когда на улице темно.

К закату они сидели на крыльце, пили воду из одной кружки — Алёна стеснялась предложить чай, а Миша не настаивал. Солнце садилось, окрашивая небо в тёплые оттенки, а тени от деревьев становились длиннее, будто обнимали дом.

— Знаешь, — вдруг сказала Алёна, глядя на закат, — я думала, что приеду и сразу всё вспомню. Как будто память — это шкаф, открыл дверцу — и всё лежит на своих местах. А оказалось, что воспоминания приходят по одному, тихо. И не всегда про радость. Иногда про то, как мама сердилась, что я опять пришла вся в траве, или как папа говорил: «Ну вот, опять наша Алёна ищет приключения».

Миша не стал её утешать. Он просто сказал:

— Пусть приходят. Дом ведь не музей, где всё должно быть красивым и правильным. Дом — это место, где можно и плакать, и смеяться, и просто сидеть, когда тяжело. Если хочешь, я могу приходить каждый день и помогать. Или могу не приходить, если тебе нужно побыть одной.

Алёна посмотрела на него и вдруг почувствовала, как страх, который весь день сжимал грудь, чуть ослабил хватку.

— Приходи, — тихо сказала она. — Даже если просто посидишь и помолчишь. Мне... сейчас важно знать, что я не одна.

Миша улыбнулся — просто, без пафоса:

— Хорошо. Завтра принесу инструменты. И, может, пирог от бабушки. Она всегда печёт слишком много, а я не могу всё съесть.

Они ещё немного посидели, пока сумерки не легли на двор мягким покрывалом. Потом Миша ушёл, махнув рукой на прощание, а Алёна осталась на крыльце. Она больше не чувствовала себя гостьей. Она всё ещё боялась, что не справится, что дом окажется слишком тяжёлым, но теперь она знала: если станет тяжело, рядом будет человек, который не станет торопить и не станет жалеть.

Алёна встала, закрыла дверь, проверила, хорошо ли заперт замок, и пошла в комнату, где когда-то была её детская. Постель она застелила старым пледом, который нашла в шкафу. Он пах домом и детством, и от этого запаха на глаза навернулись слёзы — но теперь это были не слёзы страха, а слёзы того самого тихого облегчения, когда ты понимаешь: ты вернулась.

И пусть впереди было много работы и много воспоминаний, с которыми предстояло встретиться, сегодня она смогла просто выдохнуть. И этого было достаточно.

Глава 2

Деревня не умерла. Она просто жила по своим правилам — не таким, как в городе, но от этого не менее настоящим.

Алёна проснулась резко, будто кто-то дёрнул за невидимую ниточку. Сначала она не поняла, где находится: комната была залита мягким утренним светом, на подоконнике лежала полоса тени от ставни, а воздух пах пылью, деревом и чем-то травяным, словно дом потихоньку вспоминал, как быть жилым.

И тут до неё донёсся звук — не городской, не привычный. Глубокое, протяжное мычание, будто земля сама выдыхала. Алёна встала, подошла к окну и увидела: по дороге, прямо мимо её калитки, шла небольшая стада коров. Впереди важно вышагивал пастух — пожилой мужчина в кепке, с длинным прутиком, которым он лишь слегка помахивал, скорее для порядка. Коровы шли неторопливо, будто знали, что спешить некуда, и каждая из них будто сообщала деревне: «День начался».

Алёна улыбнулась, сама не зная почему. В городе она бы раздражённо подумала: «Опять шум с утра», а здесь этот звук вдруг показался ей правильным — как первый аккорд в песне, без которого всё остальное не звучит.

Она заварила чай в маминой старой кастрюле — чайник нашёлся, но у него не работал свисток, и Алёна решила, что это даже к лучшему: пусть всё будет тихо. Вышла на крыльцо, села на ступеньку, обхватила колени руками и просто слушала, как деревня просыпается: где-то залаяла собака, скрипнула калитка, женский голос позвал: «Лёшка, не забудь хлеб забрать!», а вдалеке кто-то звякнул ведром.

А ночью деревня раскрывалась с другой стороны.

Когда солнце село, и тени стали длинными, а воздух — прохладным, Алёна зажгла лампу, села у окна и вдруг услышала то, чего не ожидала: рёв мотоциклов, визг тормозов, смех, выкрики. Сначала ей стало не по себе: этот шум казался чужим, резким, будто кто-то ворвался в её тихое возвращение. Она подошла к окну, выглянула и увидела, как по главной улице, петляя и нарочно замедляясь у каждого дома, проносились мотоциклы и скутеры. На них сидели ребята, почти мальчишки, в шлемах и без, с горящими глазами и ощущением, что ночь принадлежит им.

«Вот оно, — подумала Алёна с лёгкой грустью. — Деревня не такая, какой я её помнила. Тут теперь тоже есть своя суета, свои гонки, свои тревоги».

Но потом она заметила другое: как у одного из домов на крыльце сидела женщина, смотрела на эту кавалькаду и улыбалась. Не раздражённо, а с каким-то тёплым пониманием. А когда мотоциклы пронесли мимо, она крикнула вслед:

— Эй, тихо там! У людей дети спят!

И в этом крике не было злости — скорее, материнская строгость, которая держится на любви. И ребята, вместо того чтобы огрызнуться, притихли, один махнул рукой:

— Тётка Маша, мы тихо! Просто день такой!

И уехали дальше, уже не так громко.

Алёна вернулась в дом, села на кровать и вдруг поняла: деревня не умерла — она просто стала другой. В ней по утрам шли коровы на пастбище, а по вечерам молодёжь гоняла на мотоциклах, потому что им нужно было куда-то девать эту молодую, звенящую энергию. И в этом тоже была жизнь.

На следующее утро Миша пришёл, как и обещал. С инструментами в старом рюкзаке и с пирогом, завернутым в полотенце.

— Бабушка сказала: «Если человек приехал в деревню и не ест пирог — значит, он не человек». Так что... держи.

Алёна рассмеялась:

— Спасибо. Я как раз думала, что мне не хватает чего-то такого... деревенского.

Они сели на крыльце, пили чай из одной кружки по очереди — Алёна уже не стеснялась этого, будто за один вечер деревня научила её, что здесь не нужно быть идеальной.

Миша отломил кусок пирога, задумчиво посмотрел на двор и сказал:

— Знаешь, многие думают, что деревня — это когда тихо и все сидят по домам. А она живая. По утрам коровы идут на пастбище — это как будильник для всей деревни. А по вечерам молодёжь на мотоциклах гоняет — это как пульс. Если пульса нет, значит, деревня умерла. А тут... тут всё бьётся.

Алёна кивнула, будто наконец услышала то, что ей нужно было услышать:

— Я вчера ночью испугалась этого шума. Подумала: «Всё не такое, как я помнила». А потом поняла: если бы было точно такое же, как в детстве, мне было бы страшнее. Значит, жизнь идёт.

Миша улыбнулся:

— Вот именно. Жизнь идёт. И дом твой тоже живой. Просто он ждал, когда ты вернёшься, чтобы снова начать дышать.

Они взялись за работу. Миша чинил забор, Алёна убирала сухую траву, складывала её в аккуратные кучки, а потом просто стояла и смотрела, как он работает: уверенно, спокойно, будто знает, что делает, и не торопится произвести впечатление.

В какой-то момент он остановился, вытер лоб рукавом и сказал:

— Слушай, если хочешь, я могу тебе показать, как тут всё устроено. Где колодец, где магазин, кто из соседей что знает. Тут все друг друга знают, и если ты будешь одна, они будут присматривать. Не потому что ты слабая, а потому что так тут принято: если кто-то вернулся — значит, ему нужно помочь встать на ноги.

Алёна посмотрела на него и вдруг почувствовала, как внутри что-то тихо встаёт на место:

— Да. Хочу. Хочу знать, как тут всё живёт. Хочу не быть гостьей. Хочу быть своей.

Миша кивнул, будто это было самое правильное решение на свете:

— Тогда начнём с малого. Сегодня починим забор. Завтра сходим к колодцу. А потом... потом ты сама увидишь, как деревня потихоньку будет становиться твоей.

К вечеру они сидели на том же крыльце, уставшие, но довольные. Солнце садилось, окрашивая небо в тёплые оттенки, и деревня будто замедлялась: молодёжь уже не гоняла на мотоциклах, коровы возвращались с пастбища, и их мычание теперь звучало не как шум, а как обещание, что день прошёл не зря.

Алёна смотрела на этот закат и думала: «Я смогу здесь остаться. Не сразу, не легко, но смогу. Потому что деревня не требует, чтобы я была прежней. Она просто ждёт, когда я стану новой — такой, какой мне здесь удобно».

Миша встал, потянулся, посмотрел на дом и тихо сказал:

— Завтра продолжим. А если ночью опять будут мотоциклы — не пугайся. Это не хаос. Это жизнь.

Он попрощался и ушёл, а Алёна ещё долго сидела на крыльце, слушая, как затихает деревня. И в этой тишине, в этом лёгком шуме, в этом мычании и далёком смехе она наконец почувствовала: она дома

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.